

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Федорова И.С. Аспекты воплощения литературного архетипа «старик и старуха» в рассказе Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница» // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77149 EDN: USZQRJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77149

Аспекты воплощения литературного архетипа «старик и старуха» в рассказе Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница»

Федорова Инна Степановна

ORCID: 0009-0005-6322-9616

магистрант, институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
учитель; ГБНОУ РС(Я) РЛИ

677014, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Можайского 13/7

teoina9@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77149

EDN:

USZQRJ

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2025

Аннотация: Вопрос о репрезентации архетипов в литературе неоднократно освещался исследователями. Однако в якутской литературе проблема репродуцирования архетипических образов и их творческой интерпретации писателями изучена недостаточно. В статье исследуется архетипическая пара старик-старуха, получившая самобытное воплощение в рассказе якутского прозаика Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница» («Кытта кырдыбыт тэ□кэ тиит»). Писатель обращается к общечеловеческим вопросам и представляет национальный взгляд на мир, укорененный в традиционном жизненном укладе. Целью работы является описание соотношения образов главных героев старика и старухи в рассказе Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница» с архетипической парой «старик-старуха» и выявление аспектов их воплощения. Объект исследования – рассказ «Со мною состарившаяся лиственница», предмет – аспекты воплощения архетипического образа «старик и старуха» в рецепции и творческой интерпретации писателя. В рамках исследования мы

будем опираться на метод Н.В. Чернявской, в части хронотопических аспектов вопроса – на метод М.М. Бахтина. Сравнительный анализ позволяет рассмотреть аспекты воплощения архетипических характеристик, присущих парному образу, созданному автором. Проведенное исследование позволило установить, что в рассматриваемом произведении писатель представляет супружескую пару старика и старухи хранителями непреходящих ценностей и традиций северного народа. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые исследуется архетипический парный образ «старик и старуха» в рассказе якутского прозаика 2 половины 20 века Василия Яковлева. Отображение архетипической пары «старик-старуха» в произведении Василия Яковлева свидетельствует о взаимосвязи якутской литературы с мировой литературой. Использование универсальных архетипов указывает на обращение автора к первоосновам человеческого опыта, что придает ему общечеловеческую значимость, акцентируя внимание на жизненных ценностях. Подобный подход к изучению литературных произведений способствует исследованию национально-культурных особенностей воплощения общечеловеческих тем.

Ключевые слова:

парный образ старики-старухи, архетипы, архетип мудреца, универсальные закономерности, традиционные ценности, природа национальной культуры, архетипы северного текста, репрезентация архетипов, архетипический парный образ, литературный архетип

Интерес к теории архетипов, введенной К.Г. Юнгом, продолжает активно разрабатываться в литературоведческой науке. Исследователи Е.М. Мелетинский, С.С. Аверинцев, М. Элиаде, Н. Фрай и другие расширили понимание архетипов, изучая их роль в культурной деятельности и способы их проявления в произведениях искусства [26, с. 4]. Значительный вклад в изучение связи между бессознательным творчеством, дописьменными формами культуры и литературой внесли работы А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана и других.

Литературный архетип «старик и старуха» в русской прозе XIX–XX веков изучен Н.В. Чернявской, отдельные аспекты вопроса исследованы Т.М. Субботиной, О.Н. Зыряновой, Н.О. Осиповой и другими. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири изучены Н.А. Непомнящих. Вопросы разграничения фольклорного и литературного архетипов на примере произведений писателей Севера рассмотрены Ю.Г. Хазанович. Репрезентация архетипических образов в якутской женской лирике исследована в статье М.П. Поповой «Отражение архетипов в якутской женской лирике». Архетипические и символические образы и их функции в социально-психологических и философских повестях народного писателя Якутии Н.А. Лугинова проанализированы в работе В.Б. Окороковой и Т.Н. Пермяковой «Художественные функции образов – архетипов в повестях Н. Лугинова». Таким образом, теоретической и методологической основой исследования служат труды российских исследователей и якутских литературоведов. В рамках исследования мы будем опираться на метод Н.В. Чернявской, в части хронотопических аспектов вопроса – на метод М.М. Бахтина.

В работе «Архетипический образ «старик и старуха» в русской прозе XIX–XX вв.» Н.В. Чернявская фиксирует, что литературный образ «старик и старуха» имеет

архетипический характер, на что указывает распространенность этого образа в мифологии, фольклоре и обрядовой культуре, а также в художественной литературе различных народов [26, с. 8]. Исследователь ссылается на произведения И. Гете, Т. Манна, А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, затем на частое появление названного образа в творчестве писателей-деревенщиков В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Шукшина.

В произведениях деревенской прозы, констатирует Н.А. Непомнящих, «по-житейски мудрые старики и старухи» появляются в качестве хранителей исторической, крестьянской, родовой памяти об истоках жизни народа [14, с. 103]. Основные темы деревенской прозы об утрачиваемой традиционной культуре, об уходящем укладе жизни созвучны тематике национальных литератур Севера. Исследователями отмечен изначальный интерес Василия Яковлева к «деревенской теме», углубление в которую происходило не без влияния его наставника на Высших литературных курсах в Литературном институте им. М. Горького писателя Сергея Залыгина [4, с.102-103].

В свою очередь, С.С. Имихелова и Е.Д. Мондуш акцентируют внимание на универсальности архетипического образа пожилого человека, которая указывает также на способность образа заключать в себе и отражать особенности национальной культуры [9, с. 1996].

Появление парного образа «старик и старуха (пожилые супруги)», по мнению Н.В. Чернявской, отличает длительная долiterатурная история: «На стадии ранней мифологии, в космогонических и этиологических мифах, стареющая супружеская пара — как правило, устроители мира, а также первопредки и (или) культурные герои. Постоянными для этого образа являются мотивы старости (как приобщенности к мировой мудрости, к абсолютному знанию) и священного брака (данный мотив одновременно указывает и на уникальность героев среди мира обычного, их соприродность друг другу, и на близость их миру людей, человеческим переживаниям и ценностям. Таковы, например, мифы о Пху Нго и Не Нгам (мифология лао, лы); Есе и Хосэдем (кетская мифология), о Сонане и Ёндын (в корейской мифологии), Асинадзути и Тэнадзути (японская мифология) и др.)» [27, с. 8].

В якутской мифологии и фольклоре парные образы супругов обозначены как герои, обустраивающие Срединный мир. К примеру, в эпическом сказании олонхо «Ньургун Бootур Стремительный» это образы родителей главной героини Туйаарымы Кую – Сабыйа Баай Хотун и Саха Саарын Тойон, в олонхо «Могучий Эр Со□отох» родители героя - Сабыйа Баай Хотун и Сир Сабыйа Баай Тойон. В книге «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» составителей Н.А. Алексеева, Н.В. Емельянова, В.Т. Петрова в легендах упоминается супружеская пара Омо□ой баай и его жена, выдающие свою дочь замуж за Элляя - прародителя якутов [19, с. 40-49].

На более поздних этапах мифологии и фольклора, как утверждает Н.В. Чернявская, старики-супруги мыслятся как воплощение взаимной любви и привязанности, как символ чуда, осеняющего счастливые браки. Таков облик старииков-супругов в античном мифе о Филемоне и Бавкиде, в ветхозаветных преданиях об Аврааме и Сарре, в сказочном фольклоре различных народов [26. с. 8].

В европейской культуре архетип «старик и старуха» соотносится, в первую очередь, с античным мифом о Филемоне и Бавкиде, который известен читателю по «Метаморфозам» Овидия, что отмечается исследователями [21, с. 253]. Вспомним сюжет мифа.

Филемон и Бавкида живут в своей нищей лачуге мифологически «давно» – с незапамятных времен; так давно, что история их совместной жизни до описываемых событий как бы уже и не существует. По сути, движение этой истории начинается только с момента испытания, которое старики со старухой с честью выдерживают. Они оказывают гостеприимство и с радостью предлагают скромную пищу и кров путникам, постучавшим в их дом. Благодарные гости (ими оказались олимпийские боги – Юпитер и его сын Меркурий) награждают стариков: скромное жилище превращается в мраморный храм с золотой крышей, а Филемон и Бавкида становятся жрецами богов. Когда же их праведная жизнь подходит к завершению, исполняется заветное желание супругов: они умирают в один и тот же миг. И после смерти единство пары остается нерушимым – старики превращаются в дуб и липу, растущие из одного корня.

В сюжетной организации произведения Василия Яковleva прослеживаются параллели с упомянутым мифом: от бездетности супружества и их обособленности от внешнего мира до завязки повествования с момента испытания и последующего вознаграждения стариков. Однако обозначим и существенное различие, связанное, в первую очередь, с верованиями якутов. Если в мифо-фольклорной традиции европейских народов птица-жертва рассматривается в качестве обязательного элемента ритуала встречи старика и старухи с вечным миром [\[21, с. 255\]](#), то в якутском рассказе в жертву, по совету шамана, приносится бычок, а птица орел – неприкосновенная царь-птица.

В центре повествования рассказа – вынужденная зимовка одиноко проживающих в отдаленном аласе (урочище) старика Микииппэра и его старухи Оппуос с грозным орлом, который с приходом стужи залетает внутрь дома и остается на всю зиму. Орел в веровании якутов – священная птица, посланница Верхних Божеств, с которой связаны поверья [\[11, с. 95\]](#). Следуя наказам предков, почтая все традиции народа, старики должны смириться с грозным соседством и каждый день жить в страхе. Микииппэр – охотник, но он не убивает птицу, а обращается к духу огня и просит не оставлять их в беде, просит об избавлении ойууна (шамана) Нъахсаана, потому что именно ойуун является посредником между Верхним, миром Айыы – божеств, и Срединным – миром людей. Таким посредником, отправленным Высшими божествами, воспринимается и орел. Поэтому старики исполняют все наказы шамана после его камлания, приносят в жертву бычка, который должен был заменить в хозяйстве постаревшего быка Соморой, чтобы умилостивить царственную птицу. Микииппэр смиленно принимает наказание Урдук Айыы тойона, когда вспоминает, что в детстве спугнул огромную когтистую птицу, вьющую гнездо. Старик, воспринявший соседство орла как неминуемое наказание, слабеет, почти не встает с постели и готовится принять смерть. Но ранней весной, после падения второго рога Быка холода (аллюзия на якутскую мифологию), птица приносит им добычу – горностая, воспринятое стариками как знак благодарности в ответ на их приют, и Микииппэр, восхищенный ее разумом, оживает и снова начинает ездить в лес осматривать силки. В его отсутствии заезжавшие с указом новой власти комсомольцы убивают орла: «Оппуос так растерялась от стремительного поворота событий, что не знала – радоваться или горевать. Первым делом подумала, что теперь молодым ребятам несмысленышам несдобровать – посягнули на священную птицу...» [\[27, с. 81\]](#). Убийство орла является метафорой утраты связи поколений и пренебрежения мудростью предков, столкновения ценностей и традиций.

В сюжете рассказа обнаруживается мотив испытания, являющийся, по справедливому замечанию В.Б. Окороковой и Т.Н. Пермяковой, архетипическим мотивом, который имеет древние корни в мировой литературе и воспринимается как «бродячий» сюжет, имеющий

широкое бытование в сказках, произведениях всего мира [\[16, с. 151\]](#).

Отмеченные выше факты можно рассмотреть как доказательство мифологической основы произведения.

Далее остановимся на составляющих универсально-постоянного значения архетипического парного образа «старик-старуха», отмеченных Н.В. Чернявской, и рассмотрим соотношения этих составляющих в изображении пожилой пары в рассказе Василия Яковлева.

1. Солидный возраст.

«О, сколько раз за почти семьдесят лет жизни старика провожала и радостно встречала громадная лиственница, под которой приютился его балаган?» [\[27, с. 23\]](#)

2. Стаж совместной жизни.

«Родители Микииппэра преставились друг за другом уже после того, как он женился в тридцать лет, значит, уже сорок годков минуло, как их нет на этом свете. С тех пор в этом алаасе они со старухой живут вдвоём» [\[27, с. 56\]](#). Микииппэр, достигший семидесятилетнего возраста, всю жизнь прожил в своем родном аласе. После его женитьбы на Оппуос отец предложил молодой семье перебраться в другой алас и построить свое жилище, но Микииппэр отказался. Причина его решения заключается в уважении к памяти предков и неразрывной связи с ними, символом которой является старая величественная лиственница, возвышающаяся рядом с их балаганом.

3. Особый тип любовного чувства – ровного, спокойного, глубокого и прочного. Важно, что у этой любви нет истории – старик со старухой появляются как супруги, с незапамятных времен живущие вместе.

Истории любви Оппуос и Микииппэр тоже нет. В ходе повествования автор вводит воспоминания старика, из которых читатель узнает, что они всю жизнь вместе, пережили смерть детей. Состарившиеся супруги заботятся друг о друге. В сознании старика Оппуос ассоциируется с лиственницей и домом: «В молодости, возвращаясь с дальних поездок, Микииппэр еще издали начинал искать глазами родную лиственницу и когда, после очередного поворота, наконец-то показывался лесной исполин, тревоги улетучивались. В эти волнительные мгновения Микииппэр понимал, что он уже почти одной ногой дома, где его ждет жена». [\[27, с. 24\]](#) Старуха Оппуос изображена по якутской традиции – уважаемой мужем хранительницей семейного очага, на ней домашнее хозяйство, уход за скотом. Она тоже очень привязана к своему старику, Микииппэр для нее опора и защита. Оппуос слегла, когда орел напугал ее, а «после приезда Микииппэра, почувствовала себя гораздо лучше, она ожила, ей захотелось поговорить» [\[27, с. 24\]](#).

4. Замкнутость существования супружеских пар на друге обуславливает своеобразное отношение к миру – спокойное приятие и некоторую от него отрешенность.

Зачин рассказа Василия Яковлева представляет собой краткую характеристику тихой обыденной жизни старииков: «На дальнем стыке двух старинных улусов в теснине суровых хребтов... выделяясь среди других деревьев особой статью и величием, высится громадная лиственница... С небольшого, как наковальня для косы, приземистого балагана, расположенного возле тайжного исполина, вьётся сизый дым. ...двуногих здесь всего лишь двое – это сын Собо старики Микииппэр и его старуха Оппуос». [\[27, с. 11\]](#)

Пожилая семья живет своим трудом, не нуждается: «Здесь, в верховьях реки, всегда обильное разнотравье, и в молодости, когда руки Микииппэрэ были полны сил и энергии, он содержал до двадцати коров. Это сейчас у него только пять-шесть голов осталось, но им, пожилым, и этого достаточно. Он никогда в жизни не был наёмным работягой, всегда трудился только на самого себя. Так и дожил до сегодняшних дней.

Когда все вокруг забегали-засуетились, начали говорить, что пришла новая власть, власть хамначитов - батраков, старик Микииппэр оставался спокоен. Какое ему до этого дело? Он никогда не был батраком, и это не его власть... Бог обделил его потомством, обрёк на бездетность. Трижды рожала Оппуос, но ни один из детей не выжил». [\[27, с. 57\]](#)

В непростой истории жизни, в отношении супружов к царь-птице автор показывает подчинение воле высших сил природы – духов Айыны, уважение к священной птице, смиление с ее вторжением в жилище, признание справедливости божественного возмездия и готовность нести его бремя, принять возможную смерть: «У якутов есть поверье, что орёл просто так к людям не прилетает - он выбирает семью, которая обречена на вымирание. Микииппэр и Оппуос думают, что ... не косить им боле свежей травы, не пасти круглогорих, не разводить длинногривых. Самое большое им отпущено два-три года, или нет!» [\[27, с. 67\]](#)

Таким образом, в парном образе обнаруживаются соответствия с составляющими универсально-постоянного значения архетипического парного образа «старик-старуха», что свидетельствует об архетипичности образа супружов в рассказе Василия Яковleva.

Кроме универсально-постоянного значения, Н.В. Чернявской фиксируются нарушения античной традиции изображения стариков-супружов в произведениях русской литературы XX века. Исследователь утверждает, что нарушение античной традиции изображения стариков-супружов – описание их душевного состояния – является очень выразительным художественным средством, привлекающим внимание к явлениям и проблемам, находящимся в центре внимания автора и ставшим причиной этих значимых изменений [\[26, с. 13\]](#). Эти нарушения отмечаются и в рассматриваемом парном образе.

1. Отсутствует мотив безусловного душевного благополучия пары стариков – большую часть рассказа описано состояние тревоги и страха, в котором они находятся.

«В висках старика резко и неприятно застучало, гулко-гулко забилось сердце. Что это с ним? Микииппэр и не помнит, чтобы раньше с ним случалось что-то подобное. «Как говорится, дожил! Может, это какой-то знак?» [\[27, с. 18\]](#).

«Ой, не к добру прилетел орёл на мой двор! Не к добру! Видать, просто так мы теперь с ним не расстанемся», - тотчас промелькнуло в голове старика» [\[27, с. 19\]](#).

«...старуха замолчала, невесело вздохнула и сказала:- Вот, старик, мы перебрали наше скромное богатство, будто ещё сто лет собрались жить. Аж смешно стало. А ведь сегодня я чуть концы не отдала, лишь увидев эту птицу. Эх, сколько ещё будет теплиться наш очаг...» [\[27, с. 32\]](#).

Страх, невольно передающийся читателю, связан с образом орла – вестника «небес» о грядущих грозных событиях, способных изменить размеженное течение жизни человека «срединного мира».

2. Из художественных средств, образующих архетипический литературный образ, исключаются описательные элементы: бытовые детали, портретные характеристики,

изображение характера чувств героев друг к другу. В изображении Микииппэра и Оппус отметим тоже такой подход.

Следующим шагом исследователь Н.В. Чернявская обращает внимание на хронотоп текстов: «При рассмотрении особенности временной и пространственной организации текста, воплощающего исследуемый литературный архетип, в самом общем виде можно сказать, что все моменты, составляющие хронотоп произведения, подчинены общей цели: выявить и подчеркнуть уникальность интересующих героев и их образа жизни, т.е. акцентировать внимание читателя на драматическом аспекте произведения» [\[26, с. 10\]](#).

В рассказе Василия Яковleva обнаруживаются мотивы идиллического хронотопа по классификации «некоторых хронотопических ценностей разных степеней и объемов» М.М. Бахтина, представленной в работе «Формы времени и хронотопа в романе» [\[1, с. 258-259\]](#). Отличительные черты хронотопа: органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту; любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты – основные реальности идиллической жизни; сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни.

Наличие такого хронотопа в рассказе подтверждается описанием аласа и воспоминаниями о жизни старика, где прослеживаются признаки идиллии, стагнации и замкнутости: «Даже если старику завязать глаза, то он, как и в детстве, лишь по одному шелесту смог бы безошибочно угадать свою лиственницу. И так год за годом. Сколько старик Микиппэр помнит себя. Может, так было во времена его отца, деда, даже прадеда, ведь никто не знает, сколько стоит на вечной земле эта величественная лиственница...» [\[27, с. 40\]](#).

В анализе, проводимом Т.М. Субботиной, выявляется тенденция к рассмотрению героев, дистанцированных от внешнего мира, как самодостаточных личностей, способных противостоять разрушительному воздействию окружения [\[21, с. 258\]](#). Важной характеристикой этого отчуждения является «локальная узость», проявляющаяся в ограничении мира персонажа конкретным местом и узким кругом близких. Указанная характеристика хронотопа, по мнению исследователей, порождает дополнительный мотив, выраженный в том, что пространство, в котором пребывает архетипическая пара, выделяется своей неординарностью, подобно им самим. Примером, подтверждающим правомерность такого взгляда, в якутском рассказе может служить описание уникальной лиственницы, подчеркивающее ее необычные качества:

«О, сколько раз за почти семьдесят лет жизни старика провожала и радостно встречала громадная лиственница, под которой приютился его балаган? Годы пролетели, Микииппэр уже состарился, а следовувядания на дереве нет и в помине; оно так же прекрасно и могуче, как и много лет назад» [\[27, с. 23\]](#), «В молодости, возвращаясь с дальних поездок, Микииппэр еще издали начинал искать глазами родную лиственницу и когда, после очередного поворота, наконец-то показывался лесной исполин, тревоги улетучивались... Ему казалось, что лиственница, ставшая ему как родная, встречает радостным покачиванием кудряво-мохнатых ветвей и спешит рассеять беспокойство, мол, у нас все в порядке. В минуты грусти и печали Микииппэр так же приходил к своему дереву и разговаривал с ним, молча жаловался на невзгоды. После этого обретал душевное спокойствие, чувствовал прилив сил [\[27, с. 24\]](#), «Вы бы только видели лиственницу весной, когда на её раскидистых ветвях начинают распускаться мягкие

нежно-зелёные иголочки! А как она волшебно выглядит в пору появления ярко-красных шишечек! На дерево будто высипали тысячи крупных ягод земляники, а у этих шишечек длинные-предлинные колоски, ничуть не меньше, чем у доброго хлебного злака. Зимой её укутывает пушистый снег, а когда дни становятся длиннее, её ветви шумят в порывах весеннего ветра! Кажется, что эхо дружного шелеста разносится по всей необъятной тайге» [\[27, с. 41\]](#), «Состарившаяся с ним громадная лиственница скинула сегодня свой пышный зимний наряд. Весь её вид – стройный стан, верхушка, упирающаяся прямо в небеса, – словно говорили ему, подбадривая его: «Пусть законы бытия говорят, что пришло время стареть, но мы вместе с тобой переживём ещё не одну метель, ещё не единожды растает снег на наших плечах» [\[27, с. 89\]](#).

Можно заключить, что узость социального и пространственного мира выступает своего рода символом исключительности героев и формой защиты, позволяющей сохранить внутреннюю целостность в условиях внешней угрозы.

2. Сюжетообразующим в рассказе является хронотоп порога [\[1, с. 280\]](#), который связан с моментом перелома в жизни, кризиса, важного изменения. Пороговая ситуация, в данном случае ситуация страха смерти в соседстве старииков с хищником, организует и пронизывает сюжет произведения.

Мы разделяем позицию Н.В. Чернявской, которая объясняет, что устойчивость драматического значения у рассматриваемого образа в литературе XX века может быть рассмотрена как свидетельство возникновения нового, катастрофичного мироощущения русской культуры: осознания хрупкости, неустойчивости всех основ бытия: жизни, красоты, добра – того круга ценностей, который в предыдущие культурно-исторические эпохи представлялся незыблемым. А существование «старика и старухи» рассматривается как образцовое участие в борьбе за продолжение жизни и сохранение гармонии мира, в онтологическом противостоянии разрушительным переменам [\[26, с. 16\]](#).

Таким образом, архетипический парный образ старика и старухи, укорененный в коллективном бессознательном, воплощает мудрость прожитых лет и опыт поколений. Этот образ, выходя за рамки индивидуальных судеб, символизирует цикличность жизни, связь времен, через него прочитываются вечные ценности и принципы устойчивого существования.

Заключение

Архетипический образ в литературном произведении отличается смысловой многоаспектностью, его содержание отражается при помощи устойчивых мотивов, элементов сюжета и композиционных приемов. Архетипические образы позволяют осознать общие закономерности жизни и раскрыть способность архетипа охватывать специфику национальной культуры.

Образы пожилых людей в якутской литературе наделены особым символизмом. В анализируемом произведении Василий Яковлев представляет пару старииков в качестве символов как жизненной мудрости, связи между прошлым и настоящим, так и традиционного уклада жизни северного народа. Они воплощают собой идею гармоничного баланса, необходимого для существования в суровых условиях Севера.

В работе «Крайний Север как геопоэтический образ в литературе коренных малочисленных народов севера Якутии» Ж.В. Бурцева как исследователь локального северного текста подчеркивает: «Когнитивное восприятие пространства северным

человеком, будь то тунгус, ламут, одул или якут, заключается в неизбежной амбивалентности, диссонансе двух ментальных представлений. Когда приходится выживать на грани человеческих возможностей в каждодневной схватке с силами природы, и в то же время испытывать абсолютно естественное гармоничное единение с каждой частицей природы» [7, с. 340]. Переживание трудностей и признание силы природы формируют особенный взгляд на мир, свойственный аборигенному населению северных территорий. Литература коренных народов Севера позволяет не только понять их уникальное отношение к природе, но и увидеть в их опыте возможные пути решения современных экологических проблем.

Материалы исследования имеют практическую ценность, так как представляют собой опыт рассмотрения архетипического образа в якутской литературе и акцентируют необходимость его дальнейшего изучения.

Библиография

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения: 10.12.2024).
2. Большикова А.Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169-177. EDN YGCKNT. (дата обращения: 03.04.2025).
3. Бондаренко Е.Н. Архетип мудреца и витальность мысли в концепции авторов-натурфилософов Ч.Т. Айтматова и С.П. Залыгина // Вестник БГУ. 2010. № 2.
4. Бурцев А.А., Бурцева М.А. Особенности поэтики романов В.В. Яковleva // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3(16). С. 102-110. EDN: WXIW PJ.
5. Бурцева Ж.В. Север как образ жизни в творчестве А.Н. Кривошапкина // The Scientific Heritage. 2017. № 16-1 (16).
6. Бурцева Ж.В. Формирование локального северного текста в литературе Якутии: структура и культурный код // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57).
7. Бурцева Ж.В. "Крайний север как геopoэтический образ в литературе малочисленных народов севера Якутии" // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2020. № 2. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-337-342 EDN: HDUTKO.
8. Зырянова О.Н. Архетип старика в прозе В.М. Шукшина // Глобальный научный потенциал. 2024. № 8(161). С. 208-210. EDN EBCNLK.
9. Imikhelova S.S., Mongush E.D. Archetypical image of the Old Man in Buryat literature of the 20th century // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. Vol. 13, № 12. P. 1995-2011. DOI: 10.17516/1997-1370-0699. EDN: MCHHQW.
10. Корякина А.Ф., Герасимова Л.Н. Семейные ценности якутского народа в эпосе болонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 11. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.20 EDN: HSNYDQ.
11. Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1SV_70277/ (дата обращения: 07.12.2024).
12. Майкова А.Н. Интерпретация литературных произведений в свете теории архетипов Карла Юнга: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 2000. 21 с. (дата обращения: 03.04.2025). EDN: NLSORV.
13. Макаров С.С. "Одинокий герой в устной и письменной традиции олонхо: модификация эпического персонажа". URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/29.html>.
14. Непомнящих Н.А. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в

- русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3(12). С. 102-108. EDN: VJLVWZ.
15. Ноева С.Е. Минотаврический образ старика на быке в романе В. С. Яковлева-Далана "Доборуом, дабай қүөх сыырдаргын" // Фольклор и национальная литературная классика: методология и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию классика якутской литературы, просветителя, фольклориста Николая Денисовича Неустроева, Якутск, 18–19 декабря 2020 года. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2020. С. 87-89. EDN: IZHQEУ.
16. Окорокова В.Б., Пермякова Т.Н. Художественные функции образов-архетипов в повестях Н. Лугинова // Вестник СВФУ. 2016. № 5 (55).
17. Osipova, Nina. (2017). „Жили-были старики со старухой...”: архетипическая основа и семантическая трансформация модели в русской волшебной сказке. *Slavica Wratislaviensis*. 163. С. 35-45. DOI: 10.19195/0137-1150.163.3.
18. Попова М.П. Отражение архетипов в якутской женской лирике // Вопросы национальных литератур. 2022. № 4. С. 56-64. URL: <https://doi.org/10.25587/litteraesvfu.2022.55.28.006> (дата обращения: 03.04.2025). EDN: CVNLQK.
19. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Новосибирск: "Наука" Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 400 с.
20. Семенова В.Г. Особенности олонхо М. Н. Андросовой-Ионовой "Старик Кюлькюль Беге и старуха Силирикэн" // МНИЖ. 2017. № 11-2 (65). DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.144 EDN: ZXKJON.
21. Субботина Т.М. Образная конструкция "старик-старуха" в русской и венгерской новелле конца 1960-х – 1970-х гг. // Известия ВГПУ. 2021. № 10 (163).
22. Субботина Т.М. "Посреди земли": образ старика в русской и венгерской прозе 1970-х гг. // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 1. EDN: PYHLBS.
23. Хазанкович Ю.Г. Архетип "Волка" в фольклоре и литературе // Вестник ТГУ. 2009. № 4.
24. Хазанкович Ю.Г. Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера // *Studia Litterarum*. 2017. № 2. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243. EDN: YSQZBF.
25. Чернявская Н.В. Эмоционально-смысловые аспекты литературного архетипа "Старик и старуха" в русской прозе XIX–XX вв. // Вестник КГУ. 2007. № 3.
26. Чернявская Н.В. Архетипический образ "старик и старуха" в русской прозе XIX–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/arkhetipiche-skii-obraz-starik-i-starukhav-russkoi-proze-xix-xx-vv/read> (дата обращения: 10.12.2024). EDN: NQOPGP.
27. Яковлев В.В. Со мною состарившаяся лиственница: рассказ / пер. А. Амбросьева-Сиэн Мунду. Якутск, 2019. 83 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья авторов на тему «Аспекты воплощения литературного архетипа "старик и старуха" в рассказе Василия Яковлева "Со мною состарившаяся лиственница"» представляет собой научное исследование, обладающее новизной и актуальностью.

Согласимся с авторами в том, что "материалы исследования имеют практическую ценность, так как представляют собой опыт рассмотрения архетипического образа в якутской литературе и акцентируют необходимость его дальнейшего изучения".

Стиль изложения отличает логичность и доказательность, аргументированность, обобщенность. Структура статьи соответствует требованиям журнала, заявленной теме, а также поставленным цели и задачам, но рекомендуем авторам особо выделить следующие структурные компоненты: введение, цель, материалы и методы, результаты и обсуждение результатов, выводы/заключение. На наш взгляд, подобный подход позволит авторам более рельефно обозначить ключевые положения своих научных изысканий.

Заслуживает уважения тщательное изучение и представление истории вопроса - теории архетипов. Авторы обращаются к работам К.Г. Юнга, Е.М. Мелетинского, С.С. Аверинцева, Н.В. Черняевской и др.

Обращает на себя и работа с текстом, где все цитаты - доказательство справедливости суждений авторов: "Зачин рассказа Василия Яковлева представляет собой краткую характеристику тихой обыденной жизни стариков: «На дальнем стыке двух старинных улусов в теснине суровых хребтов... выделяясь среди других деревьев особой статью и величием, высится громадная лиственница... С небольшого, как наковальня для косы, приземистого балагана, расположенного возле таёжного исполина, вьётся сизый дым. ...двуноогих здесь всего лишь двое — это сын Собо старик Микииппэр и его старуха Оппуос». [27, с.11]".

Основные выводы, к которым приходят авторы, не вызывают сомнений: "Архетипический образ в литературном произведении отличается смысловой многоаспектностью, его содержание отражается при помощи устойчивых мотивов, элементов сюжета и композиционных приемов. Архетипические образы позволяют осознать общие закономерности жизни и раскрыть способность архетипа охватывать специфику национальной культуры".

Кроме того, разрабатывая тему «Аспекты воплощения литературного архетипа "старик и старуха" в рассказе Василия Яковлева "Со мною состарившаяся лиственница"», авторы определили, что "отсутствует мотив безусловного душевного благополучия пары стариков", "из художественных средств, образующих архетипический литературный образ, исключаются описательные элементы", "сюжетообразующим в рассказе является хронотоп порога <...>, который связан с моментом перелома в жизни, кризиса, важного изменения. Пороговая ситуация, в данном случае ситуация страха смерти в соседстве стариков с хищником, организует и пронизывает сюжет произведения" и т.д. В каждом случае авторы не ограничиваются простой констатацией, а убедительно комментируют текст, обращая внимание на смыслоконструирующие детали.

Пристатейный список литературы оформлен в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Статья рекомендуется к публикации.